

Е.Н. Степанов¹, А.К. Каиржанов^{2*}
З.С. Ильясова³, Ж.Е. Ахметова⁴

¹Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Одесса, Украина
^{2,3,4} Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан
*Автор для корреспонденции: kairzhanov@list.ru

Племена Дешт-и-кыпчак: тотемические смыслы в этнонимах

Аннотация. В настоящей статье подвергается исследованию этнонимия Половецкого поля (алтыноба, сарыоба, арсланоба, айона, кытайоба, йетьюба (штоба), ченегрепа, кючоба, колобичи, токсоба, урусоба, берендечи, уличи, торки), племенной состав которой получил разные наименования на пространстве Великой степи: кыпчаки, половцы, куманы (команы). Применяются методы и приемы *comparativistics* и герменевтики, семантического анализа и некоторые приемы сравнительно-исторического метода и синергетики для определения этимологии этнонимов, каким же образом образовались те или иные кыпчакские этнонимы с тотемическим компонентом. Выявляется семантика тотемных компонентов этнонимов и определяется рефлексы и рудименты их, отражающие древнейшую мифологию кочевников первобытной эпохи. Кроме того, анализируются некоторые символы, запечатленных в узорах и орнаментах на некоторых одеждах кыпчакских народов. Анализируются зооморфные образы кыпчаков и выявляются, что эти образы являются эквивалентными с подобными образами у других этносов, что они являются составной частью общечеловеческой культуры народов Евразии.

Ключевые слова: тотемический компонент, этноним, зооморфный образ, саукеле.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6887/2021-137-4-213-222>

Поступила: 04.11.2021 / Одобрена к опубликованию: 22.11.2021

Введение

В начале второго тысячелетия н.э. в средневековой письменной традиции арабской и персидской историографии Востока и летописных сводах Древней Руси впервые появились обозначения «Дешт-и-Кыпчак» и «Половецкое поле», получившие эти наименования по названию правящей династии кыпчаков [1, с.472-481]. Дешт-и-Кыпчак занял территорию пояса евразийской лесостепной зоны от западных отрогов Алтая и Хингана на Востоке до лесистых восточных склонов Карпат на Западе.

В XI веке персидский географ Насир-и-Хусрау в своем сочинении «Сафар-намэ» [2] именуется эту лесостепную зону как Дешт-и-Кыпчак, что в переводе обозначает 'степь, страна кыпчаков'. Половецким полем в древнерусских летописных источниках называлась область степных равнин к северу от Причерноморья и к северу от Предкавказья, заселенная половцами, и это обозначение дано по внешним признакам – от древнерусского слова *половца*, что обозначает 'рыжий цвет соломы', то есть этот народ отличался от восточных славян одним признаком – цветом своих волос [3]. Еще в эпоху эллинизма в VI-I

вв. до н.э. этот этнос, или близкие к нему, обозначали по-разному как *комы* (Аристофан, Птолемей), *команы* (Плиний) или *хоаманы* (Мела) [4]. Так, И. В. Пьянков, анализируя античные итинерарии, пытался разобраться, где же расселялись эти народы среди других племен. Какое значение вкладывали античные авторы в эти этнические наименования они, к сожалению, не указали.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что мы пытаемся разобраться, почему народ, обитающий в одном и том же вмещающем и кормящем ландшафте, получил разное наименование: кыпчаки, половцы, куманы (команы). *Цель* проводимого исследования - определение происхождения некоторых кыпчакских этнонимов с тотемическим компонентом, являющихся частью этого мощного для своего времени государственного образования и определение значений некоторых типов знаков (орнаментов) на одеждах этого народа.

Так, например, объединять кыпчаков, половцев и куманов под единым термином «кумано-кыпчаков», как это предлагает Петер Голден, не стоит, так как эти этнонимы появились на разных землях и формировали разные государственные образования, вобрав в свою целостность многие тюркские и народы не тюркского происхождения, сохранив общий для всех кыпчакский язык [5]. Этнический состав Дешт-и-Кыпчак был необычайно пестрым – здесь находили убежище преследуемые туменами Чингизхана и его потомками племена найманов, меркитов, керейтов. Заселяли эти просторы племена, двигаясь только на Запад, собственно кыпчаки, усунь, канглы, алшыны, жалаиры, аргыны и др. Именно на этой территории образовались крупные фратрии. Так, в состав западных кыпчаков вошли куба кыпчаки (кубанги), котаны (предводителем этого племени, по-видимому, был известный хан Котьян (Кодан)), канглы и др. В восточной части тюркской ойкумены обитали шаграй кыпчаки, сары-кыпчаки, кара-кыпчаки, орен-кыпчаки, торыайгыр-кыпчаки и др. [20]. А ведь куманы представляют собой только одну

небольшую западную часть племенного союза Дешт-и-Кыпчак. Для нашего исследования мы используем *методологию comparativistics* и герменевтики для описания эмпирического материала. Кроме того, мы использовали некоторые приемы синергетики для анализа глубинных смыслов кыпчакских этнонимов [22, с.1307-1323]. Теперь приступим к анализу кыпчакских этнонимов, в названии которых мы наблюдаем различные тотемические смыслы, а также приступим к описанию данных смыслов в орнаментах их одежды.

Этнонимы с тотемическим компонентом

В числе кыпчакских ханов, погибших в сражении в 1103 г., древнерусские летописные своды называют имена *Алтунопа*, *Арсланопа*, *Китанопа* и *Ченгеропа*. Вторая часть – «*опа*» («*оба*») – в этих сложных именах встречается в кыпчакских родовых или племенных вождей конфедерации Дешт-и-Кыпчак. «*Ора*» («*оба*») связывается со словом *апа*, означающим старшего предка. Сравните, например, в «Памятнике в честь Кюль-тегина» отрывок из первой строфы: «*Kisi oylunta üze eñüm arat...*» - «Человечеством правили мои предки ...» [6, с.186]. В этом случае этноним *Алтыноба* (*Алтынопа*) понимается как «Золотой предок», но ни в коем случае как «вождь рода Алтын», как это предлагает нам Петер Голден. Кстати, в Аршалинском районе Акмолинской области есть озеро Сарыоба, которое означает «Белый предок». *Арсланоба* – это тотем рода, племени. Это этноним кыпчакского племени, что в переводе означает «Лев предок». По-видимому, древнерусский летописец хотел показать, что погибли в 1103 году люди из племени *Алтыноба*, а не какого-то конкретного человека. Древнерусские источники упоминают два рода или племени, вожди которых носят имена *Айе*, сын *Асена*, сын хана *Гиргена*. *Айюпа* образовано соединением двух тюркских слов «*ай*» и «*апа*». В этом имени отражается тотемическая семантика – «*Лунный предок*». *Кытайоба* (*Китанопа*) – это этноним тюркского племени, называемый

кытай. Сравните, например, отрывок из «Памятника в честь Кюль-тегина» «На тризну послы из разных стран прибыли... Скорбь от киргиз, уч-курукан, отуз-татар, кытай и татабий...» [10, с.3]. Позже это название послужило для обозначения китайской империи Ляо. После ее падения в 1124 году от рук безжалостных и жестоких чжурчженей тюркоязычные племена *кытай* будут искать убежища в пределах Центральной Азии, где сумеют создать государство Каракитай в Центральном Туркестане. Позже оно войдет в состав Дешт-и-Кыпчак. Однако это племя не кануло в Лету, его этническое обозначение под именем *кытай* обнаруживаем в родовых ответвлениях у современных тюркских народов: казахов, каракалпаков, киргизов, крымских татар, башкир и узбеков.

Этноним *Йетыоба* состоит из двух основ – *йеты* («семь») и *оба* (*апа*) «предок». Это сложное слово обозначает «седьмой предок». В древнерусских летописях обнаруживаем этноним *Етебичи* с идентичным значением. Кроме того, в текстах Мубаркшаха, аль-Димашки, Нувейри и ибн-Халдуна [11; 12] находим искаженную форму этого этнонима в виде *Итоба*. Трудно согласиться с Петером Голденом, который толкует первую часть основы этого слова от тюркского «собака». Для обоснования нашей точки зрения приведем некоторые экстралингвистические факторы по прояснению значения этой основы, используя один синергетический прием: пересекающуюся двуплановость ментального кода.

Древние тюрки не любили собак. Такое пейоративное отношение закреплено и в казахской поговорке. Например, *собачий сын; пусть я буду собакой последней; собака собаку посылает, а последняя – свой хвост* (когда кто-то не желает делать дело и перепоручает кому-либо, а дело в конечном счете остается невыполненным) и другие. Такое презрительное отношение к собаке отпечаталось в ментальности тюркских народов, что определяется при помощи языковой картины мира. Ведь жизнью своей кочевник обязан, как минимум, двум

своим верным друзьям – собаке и коню. Разгадка такого отношения кроется в такой туманной временной дали ментальности кочевника, что современный европеец не может представить этого. Согласно легенде, прародителями тюрков (правлящая династия Ашина в тюркских каганатах) были волки. Мать-волчица родила и вспоила своим молоком прародителей тюрков. В казахском языке есть емкое по объему значения слово – *qasqirliq*, которое дословно переводится как «волковость». В тюркском мире это слово понимается шире – это отвага, дерзость и упорство в достижении цели. Рудименты этого тотемного подсознания создали прецедент по отношению к собаке. Так и сложилась престранная ситуация: признательность и любовь к своим преданным меньшим братьям в повседневной жизни, быту, и как эхо из тьмы веков тотемического общества – презрение и пренебрежительность к собаке, запечатленные в живом народном языке. А вот отношение к волку совсем иное – амбивалентное. Поэтому становится понятным и имя половецкого хана *Йетыоглы* («Седьмой сын»), упоминаемое в русских летописях в следующей фонетической огласовке – *Итоглыи*, который был одним из союзников киевского князя. Древнерусские летописцы знали тотемы половецких витязей и не могли называть своих верных союзников в трудную для себя минуту пренебрежительным именем «сын собаки».

Волк – это тотем, созерцание и размышление над этим символом, стремление постичь его смысл позволяет человеку познать путь этого существа. А это дает возможность выбрать человеку правильные действия, что приводит к желаемому результату. Итак, понимание этого тотема – это выбор правильного пути для кочевника, что отражается в исследуемом этнониме, и его следы отражаются в трансформированном виде в узорах кыпчакского орнамента, что рефлексирует мифологию древнейшей поры [19]. Например, об этом свидетельствуют зооморфные узоры в казахском орнаменте [13].

В древнерусских летописях встречается этноним *Ченегрепа*, который является

искажением *Чынгарапа*. Этот этноним состоит из двух частей, первая восходит к древнетюркскому слову *č̄ŋaŋu* – *č̄ŋ aŋu* ‘сущность, корни’ [7, с.149]. Этноним указывает на древность кыпчакского рода, племени Кючоба. Древнерусские летописи упоминают о Соудимира Коучебичя. В этом имени сочетание букв *оу* обозначает один звук [у], поэтому имя и отчество нужно читать так: Судомир Кучебич, который принял православную веру и стал военачальником у киевского князя. В 1147 году был уже *шубашем* (*sü* – ‘войско’, *baš* – ‘голова’) обрусевших черных клобуков, которые и составляли основной костяк дружины князя Святослава Ольговича. Позже этот военачальник служил и у князя Новгород-Северского. Его отчество указывает на тюркское название: по-древнетюркски *кюч* – ‘сила’ + *оба* (*ана*), что означает ‘сила предков боевых’.

В древнерусских летописях обнаруживаем следующие половецкие этнонимы – *Колобичи* (*Кулобичи*), *Седвак Кулобичка*. Эти имена в разной форме и огласовке встречаются в трудах Нувейри и ибн Халдуна. Петер Голден считает, что слово *кюль* (*кул*) «по-тюркски раб» [5]. Такое толкование некорректно по одной простой причине – мы бы тогда получили следующее значение – ‘порабощённые предки’, то есть «низкие по происхождению». Такое значение невозможно, так как в словах *kül* и *kul* мы наблюдаем разную артикуляцию гласных звуков в слогах – в первом случае гласный звук, подвергаясь аккомодации, продвинулся в экскурсии и рекурсии к переднему ряду, а во втором – гласный является по своей артикуляции заднего ряда. Перед нами омонимы. Историческая справка – древние тюрки *кулами* называли тех инородцев, которые примкнули к тому или иному тюркскому роду и им разрешали жить и поселяться рядом, и они могли принимать участие в военных походах вместе с данным тюркским родом. Но эти люди не были рабами [14]. Действительно, можно заблудиться меж двух сосен. Сравните, например, имя собственное легендарного древнетюркского полководца VIII века *Кюль-тегина*, где *Кюль*

означает ‘смелый, отважный, славный’ (*kü* «2. ‘славный, именитый’») [7, с.322]. Итак, *Кюльоба* рефлексировал древний смысл – ‘славные, отважные, смелые, именитые предки’.

Древнерусские безымянные авторы, например, в «Повести временных лет» и в «Слове о полку Игореве», приводят среди половецких племен некоторых их представителей – *Тертероба*, которые принимали непосредственное участие в пленении князя Игоря Новгород-Северского в 1185 году. До нас дошли свидетельства, что в XIII веке, когда кыпчаки вынуждены были под натиском туменов Бату и Монке, ведя тяжелые арьергардные бои, отступить в пределы Центральной Европы, один из представителей этого племени, Георгий Тертер, ославянился и основал династию Тертер в Булгарии. Название племени образовано в результате бинарной предикации слов *тер+тер*, и означает ‘сочинять (книги)’, то есть его «предки были искуснейшими и мудрыми среди людей» [7, с.553].

В древнерусских летописях встречается половецкое племя *Токсобичи*, восходящее к *Токсоба* (*Токузоба*). Это племя было известно арабо- и персоязычным народам. Так, ал-Димашки, Нувейри, Абу Хайан и ибн Халдун упоминают это племя в своих трудах. Известно, что *Токсоба* при правящей династии Шаруканидов был одним из влиятельнейших племен в конфедерации Дешт-и-Кыпчак. Их кочевья простирались от бассейна рек Дона до плодородных степей Хорезма. Это племя в составе токуз-огузов участвовало в междоусобной войне в Восточном тюркском каганате, когда был разрушен «*таңи әл* вечный эль» тюрков Ашина. Представители этого племени сохранили за собой собирательное название племенного союза, и, оказывается, название никакого отношения к монгольским (если точнее, то к сяньбийским) именам, как об этом рассуждает П. Голден, не имеет.

Вождь под именем *Урусоба* встречается среди половецких ханов, убитых древнерусскими воинами в 1103 году. Этот *Урусоба*, по-видимому, не имя собственное, а название племени. По свидетельству аль-

Димашки, они кочевали в хорезмских степях. Действительно, корни этого имени уходят в седую древность Великой степи. Аль-Масуди приводит свидетельства о том, что у хазарского кагана была группа хорезмских мусульман в качестве его личной гвардии, называемой аль-орсийа. Этноним Урус уходит в древнее сарматское племенное название *аорсы*. Аланоасские племена, мигрировавшие в причерноморские степи, включили *аорсов* в свой племенной союз. Тюркизация этого племени была связана тем обстоятельством, что Хазария в VI-VIII вв. входила в состав Тюркского каганата, а столица хазар, Итиль, была перевалочной базой тюркских войнов. Тюркские витязи, возвращаясь из западных походов, «зализывали» здесь свои раны и проматывали свои трофеи в злых местах столицы хазар. Как известно, женщины всегда были благосклонны к сильным мира сего. И на божий свет появлялась новая пассионарная популяция, которая искренне считала себя хазарами [14], а в действительности это были уже тюрко-хазары, то есть аккультурация на популяционном уровне приводила к появлению отюреченных и агрессивных хазар, которые были каплей в кыпчакском море. Поэтому существование кыпчакского племени под этим этнонимом вне всякого сомнения.

Черные клобуки и тотемические смыслы орнаментов одежды кыпчаков

В «Повести временных лет» встречается этноним *берендичи*, восходящий кполовецкому племени – берендеев. В исторических работах по Древней Руси этот этноним не включается в число восточнославянских этнических наименований, но он, как указывает Г.А. Хабургаев [8], проливает свет на происхождение этнонимов неславянского происхождения, образованных от названия одного из кыпчакских племен *берендеи* тюркского происхождения.

Берендеи вместе с другими кыпчакскими племенами (торками, уличами и печенежскими родами) со времени

образования Киевской Руси в IX в. селились в ее южных пределах. Это оседлое население древнерусская летопись обобщенно называет черными клобуками, калькируя тюркское самоназвание «каракалпаки» – черные клобуки. Отметим, что слово *клобук* вошло в славянские языки еще в I веке н.э.: «Славяне ... соседствовали с тюркскими народами. В это время на этой же территории в славянские языки вошло слово *клобук*» [9]. Клобук (колпак) не вообще головной убор, шапка, а только особый праздничный, женский головной убор, разукрашенный, как правило, у богатых особ, жемчугом, узорами и орнаментом. В настоящее время у казахского народа сохранился свадебный головной убор невесты «саукеле». Саукеле означает начало новой жизни невесты в чужом для нее дома, и одевание саукеле символизирует прощание с беззаботной жизнью у родителей. Что касается убранств этого головного убора, то, в первую очередь, это серебряные подвески в виде стрел, обычно их располагают в нижней части саукеле. Принято считать, что они защищают девушку и обладают особой магической силой. Верх саукеле украшается перьями филина – «укуы», они отгоняют злых духов и охраняют от дурного глаза. В древнейшую эпоху передняя часть саукеле украшалась изображением золотых туров, две фигурки расположены друг против друга, с длинными рогами.

Ср., например, как описывает А.Х. Маргулан казахское саукеле: это был головной убор девушки высотой до 70 см, выполненный в виде конуса из белого войлока, обшитый красным бархатом [21, с.7]. Передняя часть головного убора украшался вышитым из серебряных нитей орнаментом: это стилизованное изображение симметрично расположенных рогов, вверху в середине соединения этого орнамента помещался равнозначный крест, являющийся солярным символом. Это знак Тенгри, символизирующий верховное божественное начало. Нижняя часть головного убора оторачивали мехом и украшали рядами кораллов, бусами и серебряными бляшками. Кроме того, по бокам прикрепляли с обеих

сторон длинные подвески из серебра, доходящие до пояса девушки.

Итак, саукеле «сау»- 'солнечный, красивый', «келе» – 'голова') – это женский свадебный головной убор у казахов [18]. В самом названии заложен сакральный солярный смысл, что подтверждается некоторыми петроглифами (солярными знаками), обнаруженными на территории Великой степи. Традиция «Саукеле кигизу» занимает особое место. Саукеле – это не только самый дорогой убор среди предметов женской одежды, он также служит символом начала новой жизни. А что касается изображение рогов на головном уборе, то такое использование рогов не является прерогативой только тюркских народов, по-видимому, оно имело широкое распространение в Евразии [15]. Так, например, в «Синайской псалтыри» глаголическом памятнике XI века [16] обнаруживаем высокую частотность употребления этого символа. Ср.: «правди емоу пребывать въ векъ векоу // **рогъ** его възнесеть ся въ славе» [16, с.148] - $\delta\kappa\alpha\iota\omicron\sigma\upsilon\nu\eta\ \alpha\upsilon\tau\tilde{\omega}\ \mu\acute{\epsilon}\ \nu\epsilon\iota\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\acute{\omicron}\nu\ \alpha\iota\tilde{\omega}\nu\omicron\varsigma\ \tau\acute{\omicron}\ \kappa\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\tilde{\omega}\ \upsilon\psi\omega\theta\acute{\eta}\sigma\epsilon\tau\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\nu\ \delta\acute{\omicron}\xi\eta$ [16, с.165, 38]. Здесь в «Синайской псалтыри» предидируется мысль, что только вера православная является истинной и кто уверует в нее, тот вознесется и будет прославлен во веки веков. В другом месте «Синайской псалтыри» это слово используется как оружие, направленное против врагов. Ср., например: «О тебе врагы наша изборемъ **рогы** // и о имени твоємъ оуничъжимъ въсташтѣя на ны» [16, с.56, 43] - $\acute{\epsilon}\nu\ \sigma\omicron\iota\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\chi\theta\epsilon\rho\omicron\upsilon\varsigma\ \eta\mu\tilde{\omega}\nu\ \kappa\epsilon\rho\alpha\tau\iota\omicron\upsilon\ \mu\epsilon\nu\ / \ \kappa\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\tilde{\omega}\ \acute{\omicron}\nu\omicron\mu\alpha\tau\iota\ \sigma\omicron\upsilon\ \acute{\epsilon}\xi\omicron\upsilon\delta\epsilon\nu\acute{\omega}\sigma\omega\mu\epsilon\nu\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\pi\alpha\iota\nu\iota\sigma\tau\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\varsigma\ \eta\mu\tilde{\iota}\nu$ [16, с.82,204]. Идентичный анализ подобных текстов проведен нами в другой работе [17].

Теперь, что касается дальнейшей судьбы черных клобуков, то они обитали в южных пределах Киевской Руси. Об этом свидетельствуют археологические находки: черные клобуки в течение длительного времени постепенно смешивались со славянским населением. На протяжении двух столетий (X-XI вв.) эти тюркоязычные насельники уже к XII веку, по-видимому, ославянились, сохранив только свое имя. В это время они стали лучшими дружинниками

киевских князей и превратились в господствующее сословие бояр. О них писали, что они «умирают за русскую землю и головы свои складывают», охраняя юго-восточные пределы государства от набегов со стороны враждебных племенных союзов как с Востока, так и с Запада. Этноним *берендичи* впервые фиксируется в древнерусской летописи уже как часть населения Киевской Руси.

Заключение

Итак, кыпчакские этнонимы с тотемическим компонентом отражают древнейшие представления кочевников и являются неким рефлексом «первопредка» того или иного племени или рода. Например, зооморфные образы волка в этнониме или их рудименты в узорах и орнаментах на одежде кочевников, отражающие древнейшие мифологические представления кыпчакских народов. Некоторые из них, например, изображение рогов (мүйіз) имели, прежде всего, ритуальное значение и обозначали следующим образом, если рога направлены вверх – то помощь приходит от Тенгри, тогда сопутствует удача, но, если – вниз, то символизирует, что достигнут результат определенного действия.

Таким образом, исследованные этнонимы, отражают мир древних кочевников, связанных а priori с первобытной эпохой, следы которых сохранились сегодня на наскальных изображениях в виде петроглифов, а перелицованные и трансформированные их виды в орнаментах одежд и на других изделиях прикладного искусства.

Кроме того, наше исследование кыпчакских родовых и племенных этнонимов показывает сложные процессы этногенеза, происходившего в Евразии в течение второго тысячелетия н.э. Крупные племенные фратрии Дешт-и-Кыпчак и население Киевской Руси в этом отношении сыграли роль по образованию новых популяций в Восточной Европе и Великой степи.

В мировоззрении современных кыпчакских народов сохранилось рудиментарное понятие, что мир (мироздание) состоит

из трех уровней: верхнего (Täŋri), среднего (Umay) и нижнего (Ärklig). Верхний мир – это Небо (верховное божество мужского начала), средний мир – Земля (серединный мир женского начала) и обитатели на ней и нижний мир – мир мертвых (верховный бог смерти Эрклиг). Данное видение мира нашло свое отражение в культуре тюркских народов, говоря, например, о саукеле, который, также соединяет различные миры мироздания, то есть прежнюю жизнь девушки и предстоящую, низведенную, новую жизнь. Так, в саукеле скрыт таинственный смысл, он уникален и

неповторим, и отражает некоторые черты мировосприятия кыпчакских народов.

Итак, мы должны обратить внимание на следующее обстоятельство: для объективного исследования этнических процессов необходимо привлечь как можно большее число нарративных источников, и только тогда, например, метод *comparativistics* и герменевтики послужат не для оправдания народной этимологии при описании происхождения тех или иных этнонимов, а способствуют объективному освещению этих процессов исследуемой эпохи.

Список литературы

1. Кумекоев Б.Е. Кыпчаки: хозяйство, общественный строй, племенной состав // История татар. – Казань, 2006. – Т.2. – С.472-481.
2. Насир-и-Хусрау. Сафар-намэ / Насир-и-Хусрау. – Москва: Наука, 1933. – 212 с.
3. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. – Ленинград: Изд. археографической комиссии, 1926. – 296 с.
4. Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции / И.В. Пьянков. – Москва: Наука, 1977. – 344 с.
5. Годден П. Кумано-кипчацкие племена и роды // Мысль. – Алматы, 1999. – № 3. – С. 12.
6. Жолдасбеков М., Сарткожа К. Атлас Орхонских памятников / М. Жолдасбеков, К. Сарткожа. – Астана: Күлтегін, 2006. – 360 с.
7. Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969. – 677 с.
8. Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза / Г.А. Хабургаев. – Москва: Московский университет, 1979. – 232 с.
9. Mikloshich F.K. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. – Wien, 1886. – 226 p.
10. Kairżanow A. Staroturecki hymn na cześć Kiul-tegina: przekład rytmiczny (VIII w n. e.) // Almanach literacki NOVE MILENIUM. – Gdynia, Polska: Piękny Świat. – 2018. – №1(1). – P. 2-21.
11. Нарсеянц В.С. История политических и правовых учений: учебник / В.С. Нарсеянц. – Москва: Норма-Инфра, 1998. – 723 с.
12. Ибн Асакир. Советская историческая энциклопедия / Ибн Асакир. – Москва: Наука, 1964. - Т.5. – 125 с.
13. Сейдембек А. Мир казахов: этнокультурологическое переосмысление А. Сейдембек. – Алматы: РАУАН, 2001. – 576 с.
14. Гумилев Л.Н. Древние тюрки в 2-х книгах. Кн.1. / Л.Н. Гумилев. - Москва: институт ДИ-ДИК, 1999. – 480 с.
15. Казахи: историко-этнографическое исследование. – Алматы: Казахстан, 1995. – 352 с.
16. Северьянов С. Синайская псалтырь: глаголический памятник XI века / С. Северьянов. – Петроград: Отделение русского яз. и словесности, 1922. – 177 с.
17. Kairzhanov A., Ayupova G., Shaldarbekova A. The Ancient Turkic Book of Reasoning and Revelations «İrq bitig» of X Century. El antiguo libro turco de razonamiento y revelación «İrq bitig» del siglo X. // Utopia y Praxis Latinoamericana. – № 82. – P.100-109.
18. Женский свадебный головной убор: от саков через тысячелетия к казахам. (Мир одного предмета). Официальный сайт музея «Кунсткамера» [Электрон.ресурс]. – 2021. – URL: <http://web1.kunstkamera.ru/exhibition/saukele/saukele.htm> (дата обращения 05.09.2019).

19. Kairzhanov A., Kamzabekuly D., Ilyassova Z., Azmukhanova A., Sarekenova K. Syncretism of public mythological consciousness of ancient pores // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. -2020. – No. 06. Vol.24. – P. 5067-5078.

20. Meirambekova L., Sagidolda G., Yeskeyeva M., Abdygalieva T., Sarekenova K. On the History of Vocabulary Study of Kipchak Languages Group // American Journal of Applied Sciences. – 2016. – No. 13 (11). – P. 1184.

21. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Резьба по дереву и кости. Художественная обработка металла и тиснение по коже. Том3 / А.Х. Маргулан. – Алматы: Онер, 1994. – 249 с.

22. Kairzhanov A., Tuxaitova R., Sarekenova K., Galimullina A., Kussainova R. The synergistic justification of the language system versus Aristotle's scientific picture // Opción, Año 36. – 2020. – No.27. – P.1307-1323.

Е.Н. Степанов¹, А.К. Каиржанов^{2*}, З.С.Ильясова³, Ж.Е. Ахметова⁴

¹Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Одесса, Украина

^{2,3,4}Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Дешті-Қыпшақ тайпалары этнонимдеріндегі тотемдік көріністер

Аңдатпа. Мақалада Дешті-Қыпшақ даласының этнонимдерін (алтыноба, сарыоба, арсланоба, айопа, кытайоба, йегыоба (итоба), ченегрепа, кючоба, колобичи, токсоба, урусоба, берендечи, уличи, торки) зерттеуге арналады. Ұлы далада: қыпшақтар, половецтер, кумандар деген әртүрлі атпен белгілі болған тайпалық құрылым болған. Тотемдік компоненті бар кейбір қыпшақ этнонимдерінің қалай қалыптасқанын анықтау үшін компаративистика мен герменевтикалық әдіс, семантикалық талдау және салыстырмалы тарихи әдіс пен синергетиканың кейбір әдістері қолданылады. Алғашқы дәуірдегі көшпенділердің ең көне мифологиясын көрсететін этнонимдердің тотемдік компоненттерінің семантикасы ашылып, олардың рефлекстері мен рудименттері айқындалады. Сонымен қатар, қыпшақ халықтарының кейбір киімдеріндегі өрнектер мен ою-өрнектерде басылған кейбір белгілер талданады. Қыпшақтардың зооморфтық бейнелері талданып, бұл бейнелердің басқа этностардың ұқсас бейнелерімен пара-пар екендігі айқындалды. Сонымен бірге Еуразия халықтарының жалпы адамзаттық мәдениетінің бір бөлігі екені айқындалады.

Түйін сөздер: тотемдік компонент, этноним, зооморфтық бейне, сәукеле

E.N. Stepanov¹, A.K. Kairzhanov², Z.S. Ilyasova³, Zh. E. Ahmetova⁴

¹Odessa National University named after I.I. Mechnikov, Odessa, Ukraine

^{2,3,4} L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

The tribes of Desht-i-Kypchak: totemic meanings in ethnonyms

Abstract. The article considers the ethnonymy of Polovtsian field (altynoba, saryoba, arslanoba, ayopa, kitayoba, yetiyoba (itoba), chenegrepa, kyuchoba, kolobichi, toksoba, urusoba, berendechi, ulichi, torki), the tribal composition of which has different names in the Great Steppe such as Kipchaks, Polovtsy, Cumans (komans). There were formed methods and techniques of comparativists and hermeneutics, semantic analysis, and some techniques of the comparative historical method and synergetics are used to determine how certain Kipchak ethnonyms with a totemic component. The article reveals the semantics of totemic components of ethnonyms. The authors determined their reflexes and rudiments reflecting the ancient mythology of the nomads of the primitive era. In addition, there are analyzed some symbols imprinted in patterns and ornaments on some clothes of the Kipchak peoples. The article considers zoomorphic images of Kipchaks, and it is revealed that these images are equipollent with similar images of other ethnic groups, and at the same time, it is determined that they form part of the universal culture of the peoples of Eurasia.

Keywords: totemic component, ethnonym, zoomorphic image, saukele.

References

1. Kumekov B.E Kipchai: hozyaistvo, obshestvenniy story, plemennoi sostav [Кыпчакс: Economy, Social System, Tribal Structure] Istoriya Tatar [History of the Tatars]. Kazan, 2006. Vol.2. P. 472-281, [in Russian].
2. Nasir-i-Khusrau. Safar-name, (Nauka, Moscow, 1933, 212 p.), [in Russian].
3. Povest vremennykh let po Lavrentevskomu spisku [The Tale of Bygone Years by the Laurentian scroll], (Izd. arkheograficheskoi komissii, Leningrad, 1926., 296 p.), [in Russian].
4. Pyankov I.V. Srednyaya Aziya v antichnoi geograficheskoi traditsii [Central Asia in the ancient geographical tradition], (Nauka, Moscow, 1977, 344 p.), [in Russian].
5. Golden P. Kumano-kipchakskie plemena i rody [Kuman-Kipchak tribes and clans], Mysl [The thought], Almaty. 1999. No.3. P. 12, [in Russian].
6. Zholdasbekov M., Sartkozha K. Atlas Orkhonskikh pamiatnikov (russkii perevod N.G. Shaimerdivoi), (Kultegin, Astana, 2006, 360 p), [in Russian].
7. Drevnetiurkskii slovar [Ancient Turkic Dictionary], (Nauka, Leningrad, 1969, 677 p.), [in Russian].
8. Khaburgaev G.A. Etnonimiia «Povesti vremennykh let» v sviazi s zadachami rekonstruktsii vostochnoslavianskogo glottogeneza [Ethnonymy of the Tale of Bygone Years in connection with the tasks of reconstruction of East Slavic glottogenesis], (Moscow University, Moscow, 1979, 232 p.), [in Russian].
9. Mikloshich F.K. Etymologisches Worterbuch der slavischen Sprachen [Etymological dictionary of the Slavic languages], (Wien, 1886, 226 p.), [in German].
10. Kairzanow A. Staroturecki hymn na cześć Kiul-tegina: przekład rytmiczny (VIII w n. e.) [Tarot Turkish hymn to Kiul-tegin: rhythmic translation (VIII century C.E.)] Almanach literacki NOVE MILENIUM [Literary Almanac NOVE MILLENIUM], Gdynia, Polska, Piękny Świat. 2018. No.1(1). P. 2-21, [in Polish].
11. Narsesyants V.S. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii: uchebnik [History of Political and Legal Studies: Textbook], (Norma-Infra, Moscow, 1998, 723 p.), [in Russian].
12. Ibn Asakir. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet Historical Encyclopedia], (Nauka, Moscow, 1964, Vol.5., 125 p.), [in Russian].
13. C Sejdembek A. Mir kazahov: jetnokul'turologicheskoe pereosmyslenie [The World of the Kazakhs: Ethnocultural Rethinking], (Rauan, Almaty, 2001, 576 p.), [in Russian].
14. Gumilyov L.N. Drevnie tyurki [Ancient Turks] (Institute DI-DIK, Moscow, 1999, 480 p.), [in Russian].
15. Kazahi: istoriko-jetnograficheskoe issledovanie [Kazakhs: Historical and Ethnographic Study. - Almaty: Kazakhstan], (Kazakhstan, Almaty, 1995, 352 p.), [in Russian].
16. Severyanov S. Sinaiskaya psal'tyr: glagolicheskii pamyatnik XI veka [The Sinaitic Psalter: A Glagolitic Monument of the 11th Century], (Department of Russian Language and Literature, Petrograd, 1922, 177 p.), [in Russian].
17. Kairzhanov A., Ayupova G., Shaldarbekova A. The Ancient Turkic Book of Reasoning and Revelations «İrq bitig» of X Century. El antiguo libro turco de razonamiento y revelación «İrq bitig» del siglo X. [The ancient Turkish book of reasoning and revelation «İrq bitig» from the 10th century] Utopia y Praxis Latinoamericana [Utopia and Praxis Latinoamericana]. No. 82. P.100-109.
18. Zhenskii svadebnyi golovnoi ubor: ot sakov cherez tysyacheletiya k kazakham. (Mir odnogo predmeta). Ofitsialnyi sait muzeya «Kunstkamera» [Women's Wedding Headdresses: From the Saks through the Millennium to the Kazakhs. (The world of one object). Official site of the Kunstkamera museum], Available at:<http://web1.kunstkamera.ru/exhibition/saukele/saukele.htm>, [in Russian], (accessed 05.09.2019).
19. Kairzhanov A., Kamzabekuly D., Ilyassova Z., Azmukhanova A., Sarekenova K. Syncretism of public mythological consciousness of ancient pores. International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. No. 06. Vol.24. P. 5067-5078.
20. Meirambekova L., Sagidolda G., Yeskeyeva M., Abdygalieva T., Sarekenova K. On the History of Vocabulary Study of Kipchak Languages Group. American Journal of Applied Sciences. 2016. No. 13 (11). P. 1184.
21. Margulan A.H. Kazahskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo. Rez'ba po derevu i kosti. Hudozhestvennaja obrabotka metalla i tisnenie po kozhe [Kazakh folk applied art. Carving on wood and bone. Artistic processing of metal and embossing on leather], (Oner, Almaty, 1994, 249 p.), [in Russian].
22. Kairzhanov A., Tuxaitova R., Sarekenova K., Galimullina A., Kussainova R. The synergistic justification of the language system versus Aristotle's scientific picture. Opción, Año 36 [Option, Year]. 2020. No.27. P.1307-1323.

Сведения об авторах:

Степанов Евгений Николаевич – доктор филологических наук, профессор Одесского национального университета им. И.И. Мечникова. - Одесса, Республика Украина.

Каиржанов Абай Каиржанович – доктор филологических наук, профессор ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.

Ильясова Зибегул Сулейменовна – кандидат исторических наук, и.о. профессора ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.

Ахметова Жансулу – докторант кафедры тюркологии ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.

Stepanov Evgeny Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Odessa National University named after I.I. Mechnikov, Odessa, Ukraine.

Kairzhanov Abay Kairzhanovich – Doctor of Philology, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Ilyassova Zibagul Suleimenovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Ahmetova Zhansulu – doctorant L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.